

Эрве Базен

КРИК СОВЫ

Книга третья
С Е М Ь Я Р Е З О

ФИНАЛ СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ

Fiction
МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б17

Hervé Bazin
Cri de la chouette

Перевод с французского Нины Брандис и Анны Тетеревниковой
Иллюстрация на обложке Елены Капич

- Базен Э.
Б17 Крик совы: роман / Эрве Базен ; [пер. с франц. Н. Брандис и А. Тетеревниковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 256 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-31257-9

Жан Резо вполне состоялся в жизни. Он стал успешным писателем, завел большую семью, в которой нет места ненависти и злобе, а есть безусловная любовь и поддержка.

Со своей матушкой, безжалостной, злобной Психиморой, Жан не виделся без малого четверть века. И когда та, без объявления войны, появляется на пороге его дома, он понимает, что спокойствию пришел конец.

Станет ли встреча стареющей матери и взрослого сына продолжением их непримиримой борьбы или первым шагом к примирению? На этот раз решать будет Жан.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-31257-9

- © Éditions Grasset & Fasquelle, 1972
- © Брандис Н. М., наследники,
перевод на русский язык, 2026
- © Тетеревникова А. Н., наследники,
перевод на русский язык, 2026
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

I

Пронзительный ноябрьский ветер завывает за круглым решетчатым окошком ванной, запотевшие стекла которой непрозрачны, как церковные витражи. Водопроводные трубы дрожат на стыках; когда в кухне закрывают кран и вода вдруг устремляется к ванной, они резко чихают, и тоненькая струйка, льющаяся на меня сквозь сетку душа, забитую накипью, превращается в горячее водяное копье, больно колющее мою уже лысеющую голову.

— Ты кончил? — кричит через дверь Саломея. — Теперь можно мне?

Хотя встал я поздно, потому что вчера долго работал, я все-таки слышал шум душа: она принимает его каждое утро, чтобы придать еще больше упругости своему маленькому телу, шелковистой спинке и нежной груди, которые угадываются под ее платьем. Сейчас, должно быть, ей осталось только причесться, и можно бежать к лодке.

— Пять минут — и я готов, детка!

Интересно, почему это я, не стыдясь, представляю себе Саломею в костюме Евы? Ведь не осмелился бы я вообразить в таком виде Бландину, ее сестру! Ну

ладно! Закроем кран, возьмем мохнатое полотенце, разотрем гусиную кожу на груди — волосы на ней кое-где уже тронуты сединою. Потом встанем на весы с увеличительным стеклом над шкалой — они всегда здесь, под окошком; на них уже многие годы проверяется вес всех в семействе, точно так же как антропометром в форме жирафы, прибитым напротив к моющим обоям, измеряется их рост. Хотя я щелкнул по регулятору, чтобы стрелка перескочила на ноль или даже чуть левее, потому что весы эти склонны к преувеличению, я тяну неполных семьдесят пять. Для мужчины ростом в метр семьдесят два это не катастрофа. Правда, если память мне не изменяет, в пятьдесят девятом я запретил себе весить больше семидесяти четырех, а в пятьдесят четвертом — больше семидесяти трех. Но вот о чем я сейчас подумал: у меня мокрые волосы и на руке часы. Это тоже надо учесть. Другая мысль, промелькнувшая без видимой причины: Бертиль, которая так старалась изгнать из дома все, что свидетельствовало о ее «предшественнице», конечно, вышвырнула бы и эти весы, если бы знала, что когда-то на них легко вскакивала Моника с нашим сынишкой на руках.

«Мой вес никогда не меняется, ни на один грамм, — говорила она. — Чтобы узнать, сколько прибавил Жаннэ, достаточно произвести вычитание».

Тильной стороной руки я протираю запотевшее стекло. В те годы, когда Моника, малыш и я, тесно прижавшись друг к другу, на мгновение удерживались на узкой площадке весов и, проявляя чудеса эквилибристики, чуть не свернув себе шею, еще умудрялись прочесть у самых своих ног приговор стрелки — в те годы мы втроем тянули не более ста... Протираю другое

стекло. Мне не страшно: окно слишком высоко, снизу можно увидеть только мою голую спину. Впрочем, я уже одеваюсь, глядя на половодье: илистая вода Марны, поднявшаяся от проливного дождя, течет широким потоком с востока на запад под низкими, тяжелыми облаками, бегущими в обратном направлении. Вода затопила подвал, и там теперь танцуют всплывшие бочки; она затопила гараж — позавчера я едва успел вывести оттуда «ситроен». Сегодня утром она уже хлынула через садовую ограду, и теперь там, у стены, скапливаются пустые бидоны и пластмассовые бутылки. Ей тесно под арками моста Гурнэ, она откатывается назад, добирается до деревьев на набережной, так что кажется, что теперь они растут прямо из Марны. Вода ползет все дальше и дальше по параллельным улицам, выплескивается из люков, заливает сточные канавки, потом мостовую, тротуар и в конце концов подходит к самым дверям, врывается в парки; по тому, насколько затоплен бордюр из самшита, сразу заметно, где повышается уровень почвы. Саломея ждет... Ничего, успеет! Я не могу отказать себе в удовольствии открыть окно и потянуть носом воздух. Для меня, почти всю жизнь прожившего у реки, это одно из самых цепких воспоминаний: терпкий запах тины, перегнивших листьев в сочетании с мощным шумом воды, взбаламученной ливнем и бьющейся о тысячи преград, кипенье водоворотов, извергающих из глубины клочья грязной пены, которая повисает на изгородях из бересклета, на остриях кольев. В «Хвалебном» раз или два в год, обычно после сильных мартовских дождей (в ноябре половодье бывает реже), Омэ, спущенная где-то в верховьях, около Верна, каким-нибудь неведомым зрителем шлюзов,

когда уровень воды поднялся настолько, что это стало опасно для рудников, внезапно подкатывала к нам, меньше чем за час выходила из берегов и, широко разливаясь по лугам, размывала свежие коровьи лепешки, топила кузнечиков и кротов, заставляя ворон и сорок уподобляться чайкам и на лету хватать плывущую падаль, а нас, мальчишек, убираться со своими флотилиями поближе к поросшим травую склонам, на которых разбросаны фермы.

Но вот слышится скрип, грохот железа, призывные удары багра. Это лодка спасательной службы объезжает затопленную половодьем набережную, развозит детей в школу и доставляет хозяек на рынок; она высаживает их на холме у моста, а потом снова забирает — точного расписания у нее нет. Глядя поверх кустов бирючины, я вижу в ней полдюжины мокрых зонтиков. На носу здоровенный парень с выбивающейся из-под каски рыжей гривой тянет за веревки, привязанные к садовой решетке, чтобы лодка быстрее подошла к берегу, а главное, чтобы ее не повело к середине реки, не понесло по течению и не разбило о пилоны моста. На корме стоит молодой новобранец. Хотя у него наивная румяная физиономия, он ловко орудует багром и во всю мочь свистит в лоцманский свисток, оповещая прибрежных жителей.

— Двадцать девятый! Двадцать девятый! — кричит рыжий.

Он дает два свистка, потом еще девять, и в окне второго этажа, к которому приставлена лестница, появляется мадам Сотраль, наша соседка. Первый этаж ее дома, почти на уровне земли, затоплен. Похоже, что там плавают буфет, со страшным грохотом пе-

ревернувшийся среди ночи вместе со всей посудой. Какой-то мальчуган взбирается по лестнице, чтобы передать мадам Сотраль почту, и я узнаю... своего собственного сына — это Обэн, которого мать уже час назад послала в булочную: сегодня — четверг¹, и она не хочет, чтобы он болтался без дела. Добравшись до предпоследней перекладины, он подает соседке сумку с провизией. Мадам Сотраль проверяет ее содержимое, берет сдачу и пересчитывает мелочь. Потом Обэн, никогда не упускающий случая немного подработать, ловит на лету брошенную ему монету, соскальзывает вниз и, подхваченный соседом из дома 35, мсье Галюшем, пенсионером, которого нетрудно узнать по совершенно лысому черепу, исчезает в группе зонтиков. Перегруженная лодка снова пускается в плаванье.

— Тридцать первый! — визжит рыжий.

— А вот и лодка. Ничего не поделаешь! Придется бежать непричесанной, — кричит Саломея, и я уже слышу, как она, стуча высокими каблучками, сбегает с лестницы.

Закроем окно. Обэн наверняка сообразит, как доставить нам почту, а Саломее, которая, конечно, бежит на свидание со своим дружкой Гонзаго, вовсе не обязательно поправлять у зеркала прическу, ведь он все равно ее растреплет. Уже открывая дверь ванной, все же бросаю последний взгляд в окно, прежде чем направиться к себе в кабинет. Лодка, свернув наискосок в наши ворота, широко распахнутые (иначе их

---

¹ Французские школьники не занимаются два раза в неделю — в воскресенье и четверг. (С 1974 г. свободные дни — воскресенье и среда.)

снесло бы напором воды), за три взмаха багром пересекла лужайку, скрытую под метровым слоем желтой жижи, и стукнулась о пятую ступеньку крыльца, уже исчезнувшую под водой. Обэн, прыгая в лодку, видимо, забрызгал пассажиров, о чем можно судить по негодующим восклицаниям дамы в черном (кто она, определить трудно, потому что я смотрю сверху, а она все еще держит над собой огромный черный зонт). Но голос, голос ее меня тревожит:

— Ах ты, бесенок! Не можешь поосторожнее, что ли? — И сразу же: — Подождите, я тоже здесь выйду.

Тут я снова поспешно открываю окно, нагибаюсь, чтобы лучше видеть, лучше слышать, лучше осознать невероятное. Нет, мне не почудилось. Этот голос, перешедший на верхние октавы, как у всех старых дам, немного тугих на ухо и потому говорящих по-актерски, громче обычного, этот голос сохранил тот же тембр, тот же повелительный тон, и Саломее, которая как раз появилась на террасе и бежит, на ходу застегивая свой прозрачный плащ, не придется сесть в лодку:

— Нет, девочка, нечего убегать, раз я высаживаюсь. Ведь это случается не каждый день.

Это *она!* Я сразу узнал кольцо на безымянном пальце морщинистой руки, которая держит Саломею за плечо: на этот самый бриллиант в лапках мой отец раскошелился еще с полвека назад... Это наша старая Психимора, иначе говоря, наша матушка, еще иначе — мадам Резо, тиран моей юности! Я чувствую, как у меня сводит желудок. Потом быстро прикидываю про себя: шесть лет с Моникой, восемнадцать с Бертиль, значит, прошло двадцать четыре года, половина моей жизни, с тех пор как я ее видел в последний

раз, эту милую даму, которой перевалило далеко за семьдесят... Применяв способ, строжайше запрещенный детям, я в несколько прыжков с грохотом сбегал по ступенькам, отделявшим меня от первого этажа. И вот я уже внизу. Тут я сталкиваюсь нос к носу с моей женой, выходящей из кухни, и с Бландиной, которая поднимается из затопленного подвала, держа в руке складной метр, в то время как Обэн, с двумя булками под мышкой, выбегает из столовой.

— На два сантиметра меньше: вода понемножку спадает, — объявляет Бландина; она явно не в курсе того, что произошло.

— Ты опять грыз! — возмущается Бертиль, беря у Обэна булки, обе обкусанные.

— Тебя спрашивает какая-то старуха, она в гостиной, — бросает мне Обэн.

— Это ваша бабушка Резо.

Мой ответ произвел впечатление. Все они недоверчиво смотрят на меня. Для них реальна только бабушка Дару, реальна, как сто килограммов ее веса. Она монополизировала здесь роль прародительницы. Существование другой, во всем ей противоположной, как черное и белое, как уксус и сахар, представлялось до сих пор чем-то не вполне реальным. Судя по слухам, она царила одна в тридцати ледяных комнатах обветшалого дома — мои дети никогда в нем не были, но однажды видели его издали, с дороги, во время каникул, когда я по их просьбе сделал крюк и, прежде чем направиться в Порник, проехал на малой скорости вдоль парка. Но бабушка Резо существовала всегда — просто она невидима в силу своей сущности. Потому что отказалась от своего потомства. Для моих детей

это какая-то провинциальная Гофолия, хотя Гофолия обычно не покидает Ветхого завета, чтобы посетить Новый, разве что в театре. Мне приходится повторить:

— Уверю вас, это моя мать. Я видел в окно, как она приехала.

— Долго же она собиралась! — говорит Бертиль.

Из приличия она снимает передник — не будем возражать! — и ворчит:

— Явиться вдруг, без предупреждения! Значит, она уже признает, что я существую.

Но глаза Бертиль блестят от любопытства. Она взмахивает правой рукой, а это у нее означает: «Ну, давай же, приосанивайся, нечего робеть». Она решительно открывает дверь и входит, выпятив грудь. Гостья, очевидно, уже представилась Саломее, и та успела усадить ее в кресло. Невозмутимая — впрочем, это относится и к нашей дочери — матушка сидит совершенно прямо; когда мы входим, она вытягивает шею, чтобы взглянуть на нас. Можно подумать, что она здесь хозяйка. Деланая улыбка не в состоянии скрыть за наплывом морщинистых век зеленый блеск ее глаз, которые смотрят скорее весело и заинтересованно, нежели агрессивно. Дряблые складки кожи висят у нее под подбородком, лицо все потрескалось, словно старый глиняный горшок, она сильно постарела, но не изменилась. Напротив! Торчащее, словно гриб среди белесого мха редких волос, ухо, нос крючком, задранный кверху подбородок, очерченный глубокими складками, сбегаящими от уголков рта, все вместе — карикатура на прежнюю мадам Резо, что еще больше подчеркивается надменной небрежностью в одежде: позеленевшее, когда-то черное пальто,

кое-как починенная сумка и бриллиант, сверкающий хоть и на грязной руке, но способный тем не менее внушить иным насмешникам уважение к семьям, где скупость неотделима от добропорядочной строгости.

— Вот так сюрприз, матушка! — восклицает Бертиль, напирая на слово «матушка», и, не стесняясь, косится в сторону огромного черного зонта, вокруг которого у стены уже образовалась небольшая лужица.

— Мне очень жаль, дочь моя, — отвечает мадам Резо, напирая на слово «дочь». — Я вижу, что своим зонтиком испортила вам паркет... Но я счастлива, что нашла детей в таком прекрасном виде.

Добрая старая бабуля, которая говорит о здоровье внучат так, словно только и делает, что печется об этих дорогих крошках, а ведь она их еще и не знает, несмотря на то что старшенький уже совсем взрослый, вот-вот окончит военную службу.

— А как твоя печень? — продолжает мадам Резо, обращаясь ко мне. — Приступы больше не повторяются? Заметь — их можно было предвидеть, ведь желчный пузырь ты унаследовал от меня.

Намек на недавно перенесенную мною операцию совершенно ясен: он сразу погружает меня в атмосферу клана, где всегда считалось хорошим тоном выражаться недомолвками. Понимать же надо так: «Я всегда была в курсе всех твоих дел». А из этого вытекают по меньшей мере три следствия: 1) «У меня есть свои осведомители»; 2) «Я не переставала интересоваться тобой»; 3) «Ты один виноват в том, что мы так долго не виделись». Я улыбаюсь: этого она и добивалась. Уверенная в том, что ее поняли, мадам Резо может теперь добавить:

— Ну и погода! Я думала, что никогда не доберусь. Это, в свою очередь, означает: «Доказательством того, что все произошло по твоей вине, мой мальчик, служит тот факт, что я явилась сюда наперекор стихиям, что я взяла на себя инициативу и всего через каких-нибудь два десятилетия принесла тебе прощение и весть об окончании той давнишней распри, которую я всячески старалась замять, тогда как ты ее скандально раздувал». Еще час назад я думал, что никогда ее не увижу. Еще час назад, если бы кто-нибудь описал мне эту сцену завуалированного примирения, я утверждал бы, что такого не может быть. Впрочем, напрашивалось простейшее решение: достаточно сделать вид, будто ничего не произошло, будто все всегда шло нормально. И представьте, это подействовало! Все уже смотрят на меня удивленными глазами: «Да неужто она и впрямь фея Карабос, злая богиня-разрушительница? Уж не придумано ли все, что о ней рассказывают?» Вы наверняка на это рассчитывали, матушка, а вдобавок еще и надеялись, что здесь, в самом сердце вражеской крепости, у вас найдется сообщник. Ну конечно же, в моем лице! Вместе со своими детьми, разве я не из одного с вами лагеря, разве могу я быть непричастным к чему-либо, к чему причастны вы? Не потому ли я сейчас так ощущаю свой пуп, через который — уж это несомненно — я был с вами связан? Трудно остаться равнодушным, вновь оказавшись перед существом, жизнь которого — источник твоей собственной жизни — тебя не интересовала четверть века, а гордиться этим тебе не приходится. Но почему вы так поздно спрятали в карман вашу гордость? Почему покинули ваш заросший терновником Кран?

Тем временем мадам Резо встала, чтобы приложиться к невестке, потом поочередно к каждому из внуков, потом ко мне.

— Четверо! — посмеивается она. — А у брата твоего — десять! Как же вы кляли свое детство! А теперь, глядишь, у самих уже отпрыски...

Одна только Саломея поцеловала ее в ответ — сперва в правую щеку, потом в левую, как любят целоваться в семье Дару. Саломея ведет себя всегда неожиданно. Впрочем, и Бертиль тоже. Я-то думал, она надуетса, будет держаться натянуто. А она наступает, рассыпаясь в любезностях:

— Вы останетесь завтракать, матушка?

— К сожалению, нет, мне нужно быть в Париже к двум часам. У меня сейчас много хлопот с прабабушкой ваших детей — мадам Плювињек. Я приехала только предупредить вашего мужа...

Последняя фраза адресована мне. Прежде, если кто-нибудь умирал, меня никогда не предупреждали. В чем же тут дело? Я ловлю себя на том, что считаю по пальцам, прежде чем проговорить:

— Ей около ста, не так ли?

— В нашей семье живут долго, — продолжает матушка. — Твой дед умер восьмидесяти восьми лет. Бабушке девяносто четыре. Они намного пережили своего зятя.

Я хотел было пояснить, но матушка комментирует сама:

— Твой бедный отец женился на мне ради состояния, но так им и не воспользовался. Это поучительная история.

Она заводит какую-то новую песню. Следует ожидать продолжения. Как это я сразу не догадался, что мы приближаемся к истинной цели ее визита? Сейчас меня поставят в известность; вот, уже начинается:

— С твоей бабушкой на днях случился удар. Я только что приехала из Сегре, но в Париже я одна. Твой брат Марсель с женой путешествуют по Карибскому морю, я даже не уверена, получили ли они мою телеграмму.

Она придвигается ко мне совсем близко. Я вновь ощущаю тот запах, который папа называл «ароматом гектаров»: мадам, должно быть, провела какое-то время в хлеву, беседуя с фермершей, прежде чем сесть в автобус и поехать на станцию. Еще одна подробность: у нее уже не один, а три золотых зуба во рту; преодолевая одышку, она произносит:

— К тому же, если говорить начистоту, я сейчас не в ладах с Марселем. Твоя бабушка, по его настоянию, сделала такие распоряжения, которые сильно ущемляют меня... да, впрочем, и тебя тоже. Я тебе объясню.

Она вздыхает. По правде говоря, мне уже не нужно никаких объяснений. То, что Марсель присвоил себе право на все наследство семьи Резо, — это еще куда ни шло! Но он, видно, вошел во вкус и теперь наорует зацапать еще и наследство Плювиньегов, иными словами, состояние нашей матери — вот тут уже стоп! Этого она не допустит. Появиться в обличье жертвы — весьма ловкий способ проникнуть сюда: мадам Резо приехала просто-напросто для того, чтобы предложить мне, своему бывшему врагу, союз против моего брата.

II

Звоню по телефону Батисту Форю, кузену Бертиль, а главное, другу — по профессии он художник, — и слышу, как он смеется в бороду.

— Да это просто история с привидениями, — говорит он. — Привидений я никогда не рисовал. Если она снова появится, позволь мне написать ее портрет.

Звоню Арно Макслону, моему коллеге и соседу, с которым мы дружны уже двадцать лет. Как и я, он женат во второй раз и окружен детьми от обеих жен. Он любит добродушным тоном пророчить самое худшее.

— Ну что ж, — говорит он, — она ждала, чтобы истек срок давности. Берегись: это пахнет рецидивом.

Звоню Поль, которая была моей приятельницей еще до появления Моники. Она старше меня и относится ко мне немного по-матерински. Мы не виделись со времени ее отъезда в Испанию. Но теперь, когда она вернулась, раз в месяц мы болтаем по телефону: Поль говорит, что стала совсем седая и, если я ее увижу, она много потеряет в моих глазах. Слух у нее прекрасный, и голос, который я слышу, не видя ее, заявляет с царственным равнодушием:

— Вот видишь! Клятвы в любви, клятвы в вечной ненависти — цена им одна. Приглядишься к мадам Резо: только имя прежнее, а человек, конечно, уже не тот.

В отсутствие Жаннэ, который, возможно, занял бы особую позицию, семейный совет высказался за завтрак вполне единодушно. Мнение Бертиль: «У меня не было сомнений. Восстановить в правах бабушку — значит восстановить в правах детей». Мнение Сало-

меи: «Твои прежние ссоры с ней нас не касаются — лишь бы она не затевала новых». Мнение Бландины: «Поживем — увидим». Мнение Обэна: «Будем держать ухо востро». А я размышлял: для такого шага матушке понадобился серьезный стимул. Но будем справедливы: для этого нужно мужество, а возможно, и нечто больше, своего рода высокомерие («Чего только обо мне ни болтали, а мне наплевать»), и хитрый расчет («Мой сын? Да, он ни за что не устоит: до смерти рад будет оказать мне услугу»), и умение все взвесить. А может быть, тут усталость? Или одиночество? Ведь мы все похожи на самих себя в прошлом. С годами мы меняемся. Взять, к примеру, меня, Жана Резо: остался ли я таким же, каким лазал на ветви тиса, а позже покоился в объятиях другой женщины? Конечно, я не забыл свою молодость. Но с тех пор я знавал времена и похуже. Если новое горе и не вытесняет прежнего, оно заслоняет его, как одно дерево заслоняет другое, стоящее вдаль, — последнее из посаженных в моей жизни деревьев давало куда больше тени.

Согласившись лишь на рюмку портвейна, мамаша поспешно удалилась, не оставив даже адреса своей гостиницы и только потребовав, чтобы мы приехали к ней по первому зову:

— А главное, приезжай на машине! Говорят, у тебя «ситроен». Я-то, знаешь ли, думала, что ты любишь машины, которые могут обогнать ветер. «Без блеска, без треска, зато полный комфорт», — говаривал твой отец. «Ситроен», в общем, меня устраивает. Надеюсь, ты не подведешь.

Я ничего не обещал. Уткнувшись носом в бювар, я размышлял за своим письменным столом, растре-

воженный возобновлением старых козней. Меня разбирали противоречивые чувства: я опасался, что ма-тушка одурачит меня, и в то же время боялся, что я одурачу себя сам, я пытался сохранить душевное равновесие, и в то же время меня одолевало желание вновь окунуться в свою молодость. Надвигающиеся события всегда пробуждают во мне давнишнюю страсть к анализу. Передо мной на бюваре лежит листок бумаги, который я вынул из ящика стола: небольшое генеалогическое древо (Фред говорил: «Местами оно генеанеологическое»), изображенное рукой моего отца. Семьи обычно собираются вместе в одних и тех же местах: в церкви, в мэрии, на кладбище; для некоторых существует еще и дом, где воспоминания укоренились так же глубоко, как вязы в фамильном парке. Но и в таком доме семья никогда не собирается в полном составе, и местом общей встречи поневоле оказывается генеалогия, представленная либо в виде дерева, чьи весенние листики символизируют наших детей, либо в виде пирамиды, где квадратики, подвешенные друг к другу черточками, напоминают мобили Колдера¹.

Генеалогическое древо, лежавшее у меня перед глазами, относилось как раз к этому второму типу, и не знаю почему («Не знаю почему?» Так ли? Ведь я происхожу от своих предков, и те, что появились на свет следом за мной, получили жизнь от меня), но после смерти отца я аккуратно его дополнял. Хотя между

---

¹ Движущиеся скульптуры. Впервые это название было дано движущимся скульптурам американского скульптора А. Колдера.

мной и другими членами семьи не было никакой связи, сведений для этого мне хватало. У меня тоже были свои семейные осведомители: троюродные братья, вечно твердившие мне: «В конце концов, право же, тут все должно быть в порядке»; перебежчики, воодушевленные противоположными чувствами; а главное, были соседские кумушки, которых несколько не обескуражило мое молчание. Диву даешься, до чего их будоражат подобные ситуации! В течение восемнадцати лет некая мадам Ломбер, владелица книжной лавки в Сегре, которая подписывалась своим именем и не скрывала своего адреса, вменила себе в обязанность каждые четыре месяца посылать мне краткий отчет. Выглядело это так: «Печальная новость, мсье! Ваш тис лежит на земле, как и все прочие деревья ценных пород. Здесь стараются выколотить побольше денег».

Или так: «Ваша матушка прочла в “Западном курьере” о рождении Обэна. Поначалу она отреагировала так же, как много лет назад, когда узнала о смерти вашей первой жены: “Мог бы все же меня известить”. Потом проворчала: “Назвать ребенка Обэном... Надо же придумать! Хотя, правда, это анжуйское имя”».

Или: «Мне понравилось последнее речение вашей матушки: “А этот растяпа в конце концов все-таки преуспел!” Я прекрасно поняла, что, по ее мнению, можно и преуспевая оставаться растяпой; но поскольку всякое преуспевание по сути своей буржуазно, она попытается воспользоваться случаем и прикнудить к вам на каком-нибудь повороте».

Или: «Было ли это сказано для красного словца? Или с искренним чувством? Когда Жобо, ее фермер-

ша, подарила ей иммортели, мадам Резо, говорят, заметила: “Ведь и я тоже сохну”».

С некоторых пор она перестала мне писать, эта мадам Ломбер, не преминув объяснить свое молчание на цветной открытке, изображавшей лимонные деревья Ментоны:

«Мой муж продал наше дело, и мы переехали сюда. Так что я теперь в изгнании, в теплых краях. И больше я уже не смогу быть вашим глазом и вашим ухом у вас на родине. Вы скажете, что никогда не просили меня об этом. Но вы мне этого и не запрещали, ведь вы же ни разу не отослали обратно мое письмо. Разве это не было молчаливым согласием?»

Но вернемся к лежавшему передо мной листку бумаги. Он разделен по горизонтали на три части. В самой верхней из них как бы царит крошечная мгла: там указаны имена тех, кого я никогда не знал. Ниже, за четкой линией — она обозначает рубеж смерти к моменту моего рождения — в легком сумраке воспоминаний находятся исчезнувшие недавно; население этой второй зоны многочисленно, и она словно давит на пространство, отведенное для живых, напирая на неустойчивую черту, проведенную карандашом (ибо время от времени приходится стирать ее резинкой и перемещать ниже). Линия эта — не что иное, как новый рубеж смерти, отсекающий стариков, иногда опускающийся зигзагом вниз, чтобы отнять у Марселя маленького сынишку, у меня молодую жену. Над нами уже осталось только трое: умирающая бабушка Плювиньек, восьмидесятилетний папский протонотарий, который доживает свои дни в монастыре, где в меру сил исполняет обязанности

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Базен Эрве
КРИК СОВЫ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *О. Ануфриева, Н. Иванова*
Верстка *Е. Зеленина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.05.2026.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 2000 экз. Т-АНФ-40497-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

